

НЕИСТОВЫЙ

Читайте романы Л. Дж. Шэн:

ЦИКЛ «ШКОЛА ВСЕХ СВЯТЫХ»

«НЕЖНОЕ БЕЗУМИЕ»

«СЛОМЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ»

«ЖЕСТОКИЙ БОГ»

ЦИКЛ «СВЯТЫЕ ГРЕШНИКИ»

«БЕЗДУШНЫЙ»

«НЕИСТОВЫЙ»

Продолжение следует...

—

«ПОХИТИТЕЛЬ ПОЦЕЛУЕВ»

«ИНДИГО»

«ИГРАЯ С ОГНЕМ»

НЕИСТОВЫЙ

Л. Д Ж . Ш Э Н

Freedom
Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ш98

L.J. Shen

RUCKUS (SINNERS OF SAINT #2)

Copyright © 2017. RUCKUS by L.J. Shen
The moral rights of the author have been asserted.

Шэн, Л. Дж.
Ш98 Святые грешники. Неистовый / Л. Дж. Шэн ;
[перевод с английского О. Норицыной]. — Москва :
Эксмо, 2022. — 480 с. — (Freedom. Интернет-бест-
селлеры Л. Дж. Шэн).

ISBN 978-5-04-159365-0

Рози

Говорят, что жизнь — это красивая ложь, а смерть — болезнен-
ная правда.

Никто и никогда не заставлял меня чувствовать себя более жи-
вой, чем парень, который служит постоянным напоминанием о том,
что время на исходе.

Он — мой запретный плод. А еще он — бывший моей сестры.

Но прежде чем осуждать меня, вы должны знать.

Я увидела его первой. Я полюбила его первой.

Одиннадцать лет спустя он ворвался в мою жизнь в надежде
дать нам второй шанс.

Дин Коул хочет стать моим. Надеюсь, он не опоздал.

Дин

Говорят, что самые яркие звезды сгорают быстрее всего.

Она воспламеняет мой разум.

Ее остроумие, саркастичность и доброе сердце.

В мире, где все скучно, она сияет, как Сириус.

Одиннадцать лет назад судьба разлучила нас. На этот раз все
будет по-другому.

Добиться ее — словно пройти через поле битвы. Но поэтому
меня и называют Неистовым.

Рози ЛеБлан скоро узнает, как свирепо я могу бороться.

И завоевать ее станет самой сладкой моей победой.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Норицына О., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-159365-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается
Кристине Линдсей и Шер Мейсон*

*«Хоть птичья трель и кажется прекрасной,
Не для тебя пичужка трудится сейчас.
И если моя холодность вдруг кажется ужасной,
То от меня и нежность не получишь и гроша».*

Эрин Хэнсон

Звезды символизируют вечность.
Ведь они светят на небе с незапамятных времен.
Первые люди на Земле смотрели на те же звезды,
на которые мы смотрим сейчас.
И будут смотреть наши дети.
И внуки.
И их внуки.
А еще звезды символизируют цикл жизни,
одинокость и надежды.
Они горят на темном небосклоне,
который занимает большую часть пространства,
и напоминают нам о том,
что даже в кромешной тьме всегда есть что-то,
что может сиять.

Пролог

Рози

Прежде чем начать, мне, наверное, нужно кое-что прояснить. Вы ждете счастливого конца? Его не будет. Это невозможно. Немыслимо. И неважно, насколько высоким, красивым или богатым окажется мой Прекрасный принц.

А моего Прекрасного принца можно с легкостью описать этими словами. И не только ими.

Вот только проблема в том, что на самом деле он не мой. А моей сестры. Но не спешите меня осуждать. Ведь я увидела его первой. И первой захотела принадлежать ему. Первой *влюбилась* в него.

Жаль, что это не имело значения, когда Дин «Рукус»¹ Коул прижимался к губам моей сестры прямо перед моим носом в тот день, когда Вишес залез в ее шкафчик.

В такие моменты трудно понять, начало это или конец. Жизнь словно замирает, вынуждая присмотреться к реальности. А реальность — отстой. Поверьте мне, я не понаслышке знаю, насколько она сложна.

¹ С английского языка прозвище главного героя «Ruckus» можно перевести как «громкий», «шумный», «неистовый».

Жизнь несправедлива.

Именно эти слова сказал папа, когда в шестнадцать лет мне вздумалось начать встречаться с парнями. Когда он решительно пресек это.

— Боже милостивый, нет.

— Но почему? — У меня даже глаз задергался от раздражения. — Милли встречалась с парнями, когда ей исполнилось шестнадцать.

И это правда. Мы тогда еще жили в Вирджинии, и сестра ходила на четыре свидания с Эриком, сыном нашего почтальона. Папа фыркнул и погрозил мне указательным пальцем, как бы говоря: *«Хорошая попытка»*.

— Ты не твоя сестра.

— Что это значит?

— Ты и сама прекрасно знаешь.

— Нет. — *Хотя на самом деле знала.*

— Это означает, что у тебя есть то, чего нет у нее. Это несправедливо, но жизнь несправедлива.

Еще один факт, с которым я не смогла бы поспорить. Папа утверждал, что я притягиваю внимание не тех парней, хотя на самом деле он даже пощадил мои чувства. Я понимала, из-за чего появилось его недовольство. Хорошо понимала. К тому же я всегда была его Маленькой принцессой. *Козявочкой Розы*. Его любимицей.

Я обладала яркой внешностью. Хотя и не стремилась к этому. Временами это даже доставляло неудобства. Густые ресницы, каскад карамельного цвета волос, длинные ноги, молочно-белая кожа и пухлые губы, которые занимали едва ли не половину лица. Да и в целом хоть я и выглядела подростком, но уже «созрела». Словно куколка, украшенная атласным бантом, с притягивающим взгляды выражением, которое, казалось,

НЕИСТОВЫЙ

навсегда застыло на моем лице, несмотря на все мои усилия стереть его.

Я привлекала к себе внимание. В лучшем из смыслов этого слова. И одновременно в худшем. Черт возьми, да во всех смыслах. Поэтому я убеждала себя, что если бы удалось отвлечься на других парней, то сердце бы не сжалось в груди, когда губы Дина и Эмили соединились в поцелуе. Но это позволялось только Милли.

К тому же сестра заслужила это. Заслужила *его*. Мама и папа уделяли мне больше внимания. Всегда. У меня было много друзей, а поклонники выстраивались в очередь у нашей двери. Так что все взгляды оказывались прикованы ко мне. В то время как на сестру никто не обращал внимание.

Конечно, в этом не было моей вины, но никак не уменьшало этого чувства. Ведь именно из-за моей болезни и популярности пострадала старшая сестра. Стала одиноким подростком, который прячется за своими красками и холстом. Который предпочитает молчать, выражая свое мнение через странную и чудаковатую одежду.

Так что я действительно радовалась за нее. Когда я впервые увидела Дина Коула в коридоре, пока шла от класса тригонометрии на английский, то поняла, что он легко мог стать чем-то большим, чем просто увлечение. Если бы он стал моим, я бы не отпустила его. И это само по себе пугало, потому что мне не следовало забываться.

Видите ли, мои часики тикали очень быстро. Я родилась не такой, как остальные. А с болезнью.

Иногда я побеждала ее. Иногда она побеждала меня.

Всеми любимая Роза увядала, и ни одному из цветов не понравится умирать на глазах у публики.

Так что все к лучшему, решила я, когда его губы оказались на ее губах. Вот только его глаза смотрели на меня. И от этого реальность стала еще сложнее и мучительнее, вызывая отчаянное желание убежать.

Но мне пришлось из первых рядов смотреть, как развиваются отношения сестры и единственного парня, при виде которого сердце начинало биться быстрее.

А мои лепестки опадали один за другим.

Потому что, хоть я и знала, что моя история не закончится словами «И жили они долго и счастливо», меня продолжал мучить вопрос... может ли она обрести счастье, хоть ненадолго?

Дин

Лето, когда мне исполнилось семнадцать, с самого начала не задалось, но я даже не предполагал, что оно закончится настолько ужасно.

Все указывало на предстоящую катастрофу. И хотя мне не удавалось понять, что именно подтолкнет меня к краю, я, наученный жизнью, готовился к сокрушительному удару, который отправил бы меня прямоком в ад.

И вот за несколько недель до окончания одиннадцатого класса все свелось к одному безрассудному, киношному клише. Все началось с нескольких бутылок Bud Light и сигарет. Мы развалились у бассейна Вишеса фигурной формы и пили выдохшееся пиво его отца, не сомневаясь, что нам ничего за это — господи, да за любую гребаную проделку — в стенах дома Барона Спенсера-старшего не будет. Нас окружали девушки. Которые уже успели накуриться.

НЕИСТОВЫЙ

В Тодос-Сантосе в штате Калифорния перед самыми каникулами вряд ли отыщешь много развлечений. На улице стояла жара. Воздух давил, солнце грело все сильнее, трава выцвела, а подросткам надоело вести себя как паиньки. Но при этом мы ленились гоняться за дешевыми острыми ощущениями, поэтому искали их, развалившись под палящим солнцем у бассейна на надувных матрасах в форме пончиков, фламинго и на итальянских шезлонгах.

Родители Вишеса отсутствовали — а они вообще бывали дома? — и все собрались здесь, рассчитывая, что я их развлеку. Я не любил разочаровывать людей, поэтому принес немного дури, которую все тут же расхватали и даже не поблагодарили, не говоря уже о том, чтобы заплатить. Они считали меня богатым обкуренным чуваком, которому деньги нужны так же, как Памеле Андерсон новая операция по увеличению груди, и в целом не ошибались. К тому же меня никогда не заботили такие мелочи, так что я не стал никому указывать на это.

Одна из девушек, блондиночка по имени Джорджия, щеголяла с новой камерой Polaroid, которую отец привез ей из последнего отпуска в Палм-Спрингс. Демонстрируя свое тело в маленьком красном бикини, она фотографировала нас — Джейми, Вишеса, Трента и меня, — после чего зажимала свежеотпечатанную фотографию между зубами и передавала нам изо рта в рот. Ее сиськи едва не вываливались из маленького бикини, как зубная паста из тюбика. Мне хотелось потереться членом между ними, и я не сомневался, что сделаю это к концу дня.

— Боже, боже, это будет здоооооорово. — Джорджия на несколько секунд растянула первую «о» в последнем

слове. — Выглядишь невероятно сексуально, Коул, — промурлыкала она и навела на меня камеру, когда я поставил банку с пивом на бедро, сжимая между пальцами сигарету.

Щелк.

И доказательство моих грехов с провокационным шипением выскользнуло из ее камеры. Она обхватила уголок снимка губами, после чего наклонилась и потянулась ко мне. Я схватил его и засунул в карман. Ее глаза проследили за моей рукой, когда я слегка припустил резинку шорт вниз, демонстрируя светлые волосы чуть пониже пупка и приглашая продолжить вечеринку в укромном месте. Она слотнула, явно заинтересовавшись. Наши взгляды встретились, чтобы без единого слова обсудить место и время. А затем кто-то прыгнул в бассейн бомбочкой и окатил ее брызгами. Джорджия рассмеялась и покачала головой, после чего перешла к следующей фотомодели — моему лучшему другу Тренту Рексроту.

Конечно же я собирался уничтожить фотографию до того, как вернусь домой. Но, видимо, дурь отбила мне память. В итоге на этот снимок наткнулась мать. После чего отец прочитал одну из своих лекций, которые, казалось, разъедали мои внутренности, словно мышьяк. И знаете, чем все закончилось? Они отправили меня на летние каникулы к моему чертовому дяде, которого я терпеть не мог. И я знал, что лучше не спорить с ними. Потому что не собирался разбираться в этом дерьме и ставить под удар поступление в Гарвард за год до окончания школы. Я столько сил потратил ради этого будущего, ради этой жизни. И она раскинулась передо мной во всем своем богатстве, привилегированности и испорченности в виде частных самолетов, зарубеж-

НЕИСТОВЫЙ

ной недвижимости и ежегодных каникул в Хэмптоне. В этом все прелести жизни. Когда что-то хорошее попадает тебе в руки, ты не только вцепляешься в это всеми гребаными силами, но и сжимаешь так сильно, что едва не ломаешь.

Просто еще один урок, который я усвоил слишком поздно.

В любом случае, через пару недель я оказался в Алабаме, где два месяца перед выпускным классом вкалывал на гребаной ферме под палящим солнцем.

Трент, Джейми и Вишес все это время пили, курили и трахали девушек в Тодос-Сантосе. Я же вернулся туда с фингалом под глазом, великодушно подаренным мне мистером Дональдом Уиттекером, которого также звали Филин, после вечера, который изменил меня навсегда.

— Жизнь похожа на суд, — сказал мне Илай Коул, мой отец-адвокат, перед тем как отправить меня на самолет в Бирмингем. — Она не всегда справедлива.

Гребаная правда.

Тем летом меня заставили прочитать Библию от корки до корки. Филин был примерным христианином и постоянно обращался к Библии. Поэтому заставлял меня читать ее вместе с ним во время наших обедов. Ветчина на ржаном хлебе и Ветхий Завет даже стали для меня передышкой, потому что все остальное время этот придурок вел себя со мной просто ужасно.

Уиттекер был фермером. В те моменты, когда умудрялся протрезветь. Так что он назначил меня своим мальчиком на побегушках. А я не стал особо возражать. Главным образом потому, что по вечерам мог потискать дочку его соседа.

Та считала меня кем-то вроде знаменитости лишь потому, что я не разговаривал с акцентом южан и у меня